
ЛИТЕРАТУРА XX–XXI вв.

Русская литература

УДК 821.161.1

ЮРЧЕНКО Т.Г.¹ «ЭТО НЕ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ, НО АКТ САМОУБИЙСТВА»: ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА. DOI: 10.31249/lit/2021.01.14

Аннотация. Статья посвящена предыстории появления стихотворения Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны», его художественным особенностям и последовавшим за его написанием трагическим последствиям.

Ключевые слова: О. Мандельштам; эпиграма; инвектива; Сталин; антисталинские стихи.

YURCHENKO T.G. «It's not a literary fact, but an act of suicide»: about a poem by Osip Mandelstam.

Abstract. The article deals with the backstory of Mandelstam's poem «Our lives no longer feel ground under them» («Мы живем под собою не чужая страна»), its poetical features and the tragic consequences for the poet that followed the creation of this poem.

Keywords: O. Mandelstam; epigram; invective; Stalin; antistalinist lyrics.

Для цитирования: Юрченко Т.Г. «Это не литературный факт, но акт самоубийства»: об одном стихотворении Осипа Мандельштама // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная ли-

¹ Юрченко Татьяна Генриховна – старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН, ответственный секретарь «Литературоведческого журнала».

тература. Сер. 7 : Литературоведение. – 2021. – № 1. – С. 142–153. – DOI: 10.31249/lit/2021.01.14

Мандельштама арестовали в Москве по доносу неизвестного в ночь с 16 на 17 мая 1934 г. в присутствии его жены и приехавшей из Ленинграда навестить их А. Ахматовой. «И две королевы глядели в молчании / Как пальцы копались в бумажном мочале, / Как жирно листали за книжкой книжку, / А сам-то король – все бочком, да вприпрыжку, / Чтоб взглядом не выдать – не та ли страница, / Чтоб рядом не видеть безглазые лица...» – так описал ночь обыска и ареста А. Галич («Возвращение на Итаку», 1969).

Причиной ареста стало стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны», созданное в ноябре 1933 г. Когда Мандельштам прочел свое новое произведение Пастернаку, тот сказал: «То, что Вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства, которого я не одобряю и в котором не хочу принимать участия. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал и прошу Вас не читать их никому другому» [цит по: 14, с. 32].

Явившее собой, по выражению Е. Годдеса, выход «непосредственно в биографию, даже в политическое действие» [18, с. 199], исполненное неприкрытой ненависти к Сталину, стихотворение стало «одним из оснований нашего антисталинизма», впервые вводящим «тему уголовной братвы и главного пахана» (Ю.Л. Фрейдин [15]). При этом оно вовсе не антисоветское. Известные слова Мандельштама о нем: «Это комсомольцы будут петь на улицах! <...> В Большом театре... на съездах... со всех ярусов...» [3, с. 51] – показывают, что поэт «мыслил антисталинскую инвективу в некоторых, как ни странно это может показаться человеку другой эпохи, советских рамках – вероятно, в духе будущего очищения “нового мира” от скверны тирании и жестокости» [18, с. 214]. Б.С. Кузин, друг и собеседник Мандельштама, называя общественную позицию Мандельштама «правоверным чириканием», в частности, писал: «...для него был силен соблазн уверовать в нашу официальную идеологию, принять все ужасы, каким она служила ширмой, и встать в ряды активных борцов за великие идеи и за прекрасное социалистическое будущее. Впрочем, фанатической убежденности в своей правоте при этих заскоках у него не было» [6, с. 166].

Вместе с тем и широко распространенное убеждение в последовательном антисталинизме Мандельштама, как считает И. Сурат [17], – не более чем публицистический миф. Бесспорно антисталинским является лишь одно это стихотворение, за которое поэт заплатил жизнью. Несмотря на свою раздвоенность и последующие стихи в просталинском духе, «именно Мандельштам, сомневающийся и непоследовательный, стал голосом времени, сказал за всех правду о Сталине, сказал с такою силой, что эти стихи перестали быть только стихами и прямо вышли в историю. Без них не только судьба Мандельштама была бы другой – без них история 30-х была бы другой».

Конкретный повод к написанию стихотворения трудно определим; скорее, как полагают многие исследователи, оно было вызвано целым комплексом впечатлений и личных переживаний поэта, формировавшихся с конца 1920-х годов и отразившихся в стихотворениях «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...», «Колют ресницы. В груди прикипела слеза», «За гремучую доблесть грядущих веков...» и некоторых других произведениях начала 1930-х годов.

Немаловажную роль в появлении стихотворения сыграла поездка Мандельштама в Крым весной 1933 г. – с женой и только что освобожденным, в том числе стараниями поэта, Б. Кузиным (занимавшим вполне радикальную по отношению к власти позицию). Крестьяне, бежавшие в Крым от массового голода, вызванного на Украине и в Кубани коллективизацией, запечатлены в стихотворении «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...»; потрясение от увиденного отразится позднее в одном из вариантов инвективы в строках: «Только слышно кремлевского горца – / Душегубца и мужикоборца...».

Поводом к написанию стихотворения, по предположению О. Ронена [16], могла стать трагическая история с М.Н. Рютиным – общественным деятелем и знакомым поэта, помогавшим ему в житейских и издательских делах. В 1928 г., будучи кандидатом в члены ЦК, Рютин поддержал Бухарина, возразившего против чрезвычайных мер в отношении крестьян. В 1930 г. Рютин был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации, но выпущен в 1931 г. В 1932 г. на Рютина завели дело в связи с «Союзом марксистов-ленинцев» и разосланным им членам ЦК документом «Ко

*«Это не литературный факт, но акт самоубийства» :
об одном стихотворении Осипа Мандельштама*

всем членам партии», где Сталин был назван «разрушителем партии», «могильщиком революции», а также говорилось о «наморднике, надетом на всю страну», «бесправии, произволе и насилии». В 1937 г. Рютина расстреляли. Промежуток между героическим выступлением Рютина и XVII партийным съездом (1934) – период, когда победа Сталина над его противниками еще не была предрешена, в том числе и на самом съезде, где соотношение сил колебалось не в пользу Сталина. Съезд потому и получил название «съезд расстрелянных победителей», а год этой негласной, но яростной борьбы, по мнению исследователя, и преломился в произведении Мандельштама.

Как считает Л. Видгоф [2], поэта к написанию стихотворения могли подтолкнуть и некоторые другие факты. Так, в протоколе допроса Мандельштама от 25 мая 1934 г. с его слов записано, что в 1927 г. он испытал симпатии к троцкизму, хотя уже в 1928 г. его доверие к советской власти было восстановлено. В 1927 г. на партийном пленуме Зиновьев и Троцкий были исключены из ЦК ВКП(б); тексты их выступлений на пленуме опубликовала «Правда». Троцкий, в частности, напоминал слова Ленина о Сталине: «Сей повар будет готовить только острые блюда», и говорил о том, что «рабочий-партиец боится в собственной ячейке говорить, что думает, боится голосовать по совести». Пленум привлек внимание всей страны, поэтому, считает исследователь, маловероятно, что Мандельштам не читал этот номер «Правды»¹.

В «профессиональной уязвленности поэта», потерявшего своего читателя – отмененного революцией петербуржца десятых годов, усматривает причину появления антисталинского стихотворения А. Кушнер [7]. Мандельштамом, пишет он, не интересовались критики; опубликованное в 1933 г. в журнале «Звезда» его «Путешествие в Армению» было разгромлено в «Литературной газете» и «Правде». Поэт был объявлен «тенью» из прошлого в статье С. Розенталя «Тени старого Петербурга» («Правда», 30 августа 1933 г.). Дело усугублялось конфликтами, возникавшими у Мандельштама в писательской среде.

¹ Подробнее об этом см.: Юрченко Т.Г. О стихотворении Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...». (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение [Реферативный журнал]. – 2020. – № 4. – С. 78–84.

Таким конфликтом стало, например, «дело о “Тиле Уленшпигеле”», когда Мандельштам, обработавший для нового издания романа Ш. де Костера ранее существовавшие переводы А.Г. Горнфельда и В.Н. Карякина, был указан на титульном листе книги 1928 г. по недосмотру издательства как переводчик и обвинен Горнфельдом в плагиате. Дело продолжалось до февраля 1930 г., и, несмотря на признание поэтом своей (и издательства) оплошности и готовности возместить гонорар, он был назван морально ответственным за случившееся. В знак протеста поэт вышел из Федерации объединения советских писателей. Этот конфликт отражен в «Четвертой прозе» (1929–1930), где Мандельштам обличает писателей, «которые пишут заведомо разрешенные вещи» и «запроданы рябому черту на три поколения вперед» («рябой черт» – очевидный намек на Сталина). Показательны и слова Мандельштама о писателях-современниках, переданные неизвестным информатором из ближнего окружения поэта: «имя литератора стало позорным, писатель стал чиновником, регистратором лжи» [цит. по: 14, с. 30].

В октябре 1933 г. Мандельштам получил двухкомнатную квартиру в Москве в писательском доме и, как считает А. Кушнер, ощутил глубокое чувство стыда: свою отверженность он променял на квартиру, уподобившись писателям, которые получили официальное признание и которых он презирал. Реплика высокоценного Мандельштамом Б. Пастернака, посетившего его на новой квартире: «Ну, вот, теперь и квартира есть – можно писать стихи», по воспоминаниям жены поэта, привела его в ярость [10, с. 176]. Ответом на эту реплику стало стихотворение Мандельштама «Квартира тиха, как бумага...». Интонационно оно перекликается с «Балладой» В. Ходасевича «Сижу, освещаемый сверху, / Я в комнате круглой моей...». Но, полагает А. Кушнер, был и другой прототип – стихотворение Пастернака из книги «Второе рождение» (1931): «Мне хочется домой, в огромность / Квартиры, наводящей грусть...»: «Пастернаку хочется домой, в квартиру – Мандельштам рвется из нее вон». Пастернак в конце своего стихотворения высказывает желание написать о Москве, у Мандельштама, напротив, в последней строфе – «...вместо ключа Ипокрены / Давнишнего страха струя...». Чтобы вернуть самоуважение, Мандельштаму нужно было сказать в стихах то, о чем все думают, но не смеют

*«Это не литературный факт, но акт самоубийства» :
об одном стихотворении Осипа Мандельштама*

произнести. Вслед за «Квартирой...» в ноябре 1933 г. появляются стихи о «кремлевском горце». Но и здесь – отсылка к Пастернаку, который, цитируя строки Пушкина в стихотворении «Столетье с лишним – не вчера...» (1932), писал: «Но лишь сейчас сказать пора, / Величьем дней сравненье разня: / Начало славных дней Петра / Мрачили мятежи и казни». Именно этим надеждам противопоставлено мандельштамовское: «Что ни казнь у него – то малина».

Л. Видгоф [2] обратил внимание на ускользнувший от исследователей факт: в том же номере «Правды» (30 августа 1933 г.), где опубликована статья Розенталя, объявлявшая поэта «тенью из прошлого», была напечатана заметка: «Казнь германского коммуниста» – о том, что близ Гамбурга казнены (отсечение голов топором) четыре коммуниста, в том числе А. Лютгенс, который вел себя исключительно мужественно, и последними словами которого были: «Я умираю за пролетарскую революцию! Да здравствует советская Германия! Рот фронт!». Именно отсюда в «Стансах» 1935 г., считает ученый, «немецких братьев шеи», но тонкие шеи «вождей» есть уже в антисталинских стихах. Не только известие о чудовищной казни, но и героическая жертвенность Лютгенса произвели глубокое впечатление на не чуждого идее самопожертвования Мандельштама, который считал, что смерть художника следует рассматривать как высший акт его творчества (в 1915 г. в докладе «Скрябин и христианство»).

Стихотворение, по мнению Л. Видгофа, занимает совершенно особое место не только в творчестве поэта, но и во всей русской литературе. Оно «по лапидарной образной мощи, по неприкрытой ярости, по целенаправленной демонстративной оскорбительности», несопоставимо даже со стихотворением П. Васильева «Ныне, о муза, воспой Джугашвили, сукина сына...» (1931 или 1932), причем слово «жопа» в одном из вариантов текста Мандельштама («...И широкая жопа грузина») может быть цитатой из Васильева.

На допросе от 25 мая 1934 г. Мандельштам охарактеризовал свое стихотворение так: «В моем пасквиле я пошел по пути, ставшему традиционным в старой русской литературе, использовав способы упрощенного показа исторической ситуации, сведя ее к противопоставлению “страна и властелин”. Несомненно, что этим снижен уровень исторического понимания <...> но именно поэтому достигнута та плакатная выразительность пасквиля, которая

делает его широко применимым орудием контрреволюционной борьбы» [цит. по: 14, с. 49].

Скрещение традиции ямбов Архилоха и «карикатурного лубка или детской дразнилки, причем на фоне цитатных ритмов гражданственного Надсона», увидел в эпиграмме Мандельштама М.Л. Гаспаров, отмечавший, что она «построена на искусной последовательности комбинаций: сперва идейная (*не чужа страны*), потом образная (*как черви... как гири...*), потом лексическая (великолепный несуществующий глагол *бабачит* на фоне реминисценций из сна Татьяны), потом ритмическая (*кому в пах, кому в лоб...*)» [12, с. 659].

Лексико-фразеологическая установка на просторечие и бранную экспрессию, присущая стихотворению 1933 г., указывает Е. Тоддес, обнаруживает его связь с «Четвертой прозой» и лирикой 1930–1931 гг., а его семантическая основа прямо производна от разрабатывавшейся поэтом в 1920-е годы биологической топики: «лексика и семантика биологического хлынула в брешь между культурой и природой, образовавшуюся в языке Мандельштама в эпоху социокультурного катаклизма» [18, с. 202]. В стихотворение вошла в усеченном и эпиграмматически упрощенном виде также тема, поднятая Мандельштамом еще в статьях 1918–1922 гг.: «слово после революции, вербальные мутации, происходящие вслед за социальным катаклизмом, понимание и непонимание речи, в том числе речи поэта, в “новом мире”» [18, с. 207].

Как полагают А. Жолковский и Л. Панова [4], это стихотворение – прежде всего, о власти слова. «Как свойственно поэзии вообще, а тем более логоцентрической мандельштамовской, “Мы живем...” это – типичное “слово о словах”: *речах, разговорцах, указах*, антропофонах и зоофонах. И – о столкновении словесных стратегий “лирического мы” и “сатирического он (и)”, плодом которого становится само поэтическое высказывание Мандельштама». Стихотворение доводит до предела традицию эпиграммы, инвективы, поэтической хулы. Мандельштам отвечает поэтической магией – и собственной жизнью – на зловещую власть сталинского слова и душегубство вождя.

Словесная деятельность «мы» предстает купированной, загнанной в подполье, в то время как слова Сталина весомы и выходят за пределы словаря («бабачит»). И если как персонаж стихо-

творения поэт вынужден молчать, то как автор Мандельштам дает себе полную свободу и, презрев всякую политкорректность, критикует не режим, но саму личность Сталина и его окружение, объявляя их «чем-то вообще бездуховным, сугубо телесным, зооморфным».

А. Жолковский и Л. Панова называют произведение Мандельштама образцом «высшего текстуального, метатекстуального и интертекстуального пилотажа». Среди его подтекстов – сатирическая баллада «Поток-богатырь» А.К. Толстого, с которой инвективу Мандельштама сближают размер и просторечный стиль (впервые указано О. Роненом [16]), а также былины «Илья Муромец и Идолище в Киеве», «Алеша и Тугарин в Киеве» (источник «драконоподобного» образа Сталина), зооморфная образность и мотив предводительства шайкой из сна Татьяны в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина и др. К интертекстуальности в широком смысле относится и работа с фразеологизмами, пословицами, поговорками (например, поговорка: «Бежать, не чувствуя под собою ног»).

С первых строк, отмечают исследователи, задается излюбленная поэтом тема хрупкой связи жизни со словом. Далее мотив телесности через портрет Сталина и превращение слов в «пудовые гири» будет нарастать, сочетаясь с сегментацией тела, причем если сначала это – органы хозяина (*пальцы, глазница, ушица*), то теперь – его жертв, где односложные *бровь, лоб, пах, глаз* звучат как ритмичная серия ударов.

Стихотворение, однако, не сводится к хуле, но «представляет собой символический акт освобождения от сталинского ига». Этот бунт ярко демонстрирует неубедительная, с точки зрения многих интерпретаторов Мандельштама, ничего не добавляющая к лирическому сюжету и не завершающая его финальная строка, с ее шутовским пренебрежением и к собственно поэтической дисциплине («...И широкая грудь осетина»).

По поводу ставшего известным Мандельштаму телефонного разговора о нем Сталина с Б.Л. Пастернаком и вопроса вождя, «мастер» ли товарищ Пастернака по цеху, Мандельштам заметил: «Почему Сталин так боится “мастерства”? Это у него вроде суеверия. Думает, что мы можем нашаманить» [10, с. 175]. Мандельштам, полагают А. Жолковский и Л. Панова, угадал в вопросе Сталина магическое понимание творчества и, соответственно,

суеверный страх перед ним. В своей эпиграмме поэт и правда меняет свою привычную роль «смысловика» на «порицавшееся им ранее у символистов амплу поэта-мага... Мандельштам не только вовсю расписывает прагматическую мощь Сталина, но и, парируя, обращает ее против него, призывая читателя *припомнить* Сталину его грехи». Именно предполагая магическое, морально уничтожающее воздействие, поэт допускает немислимую вольность, именуя Сталина «горцем», т.е. нецивилизованным носителем племенной этики, и сравнивая его с тараканом.

Мандельштам очень гордился своим сочинением. В протоколе допроса, передавая мнение первых слушателей, поэт ссылается, в частности, на Б. Кузина, отметившего, что «эта вещь является наиболее полнокровной» из всего, что читал ему Мандельштам за последний год [см.: 14, с. 46], а также на реакцию А. Ахматовой, сопроводив ее автокомментарием: «Со свойственной ей лаконичностью и поэтической зоркостью Анна Ахматова указала на “монументально-лубочный и вырубленный характер” этой вещи. Эта характеристика правильна, потому что этот гнусный, контрреволюционный, клеветнический пасквиль, – в котором сконцентрированы огромной силы социальный яд, политическая ненависть и даже презрение к изображаемому, при одновременном признании его огромной силы, – обладает качествами агитационного плаката большой действенной силы» [14, с. 47].

Мандельштам читал свое произведение «направо и налево», хотя и сознавал при этом опасность: «Если дойдет, меня могут... РАССТРЕЛЯТЬ!» [3, с. 51]. Невероятная свобода, проявившаяся в поведении поэта после написания антисталинской инвективы, как полагает А. Кушнер, свидетельствует о том, что он решил свести счеты с жизнью. В феврале 1934 г. Мандельштам говорил Ахматовой, что готов к смерти [1, с. 211].

Ордер на арест подписал Я.С. Агранов, второе лицо в ОГПУ, дело вел следователь Н.Х. Шиваров. Поэт на допросах сразу признал свое авторство, назвал имена людей, которым читал текст и собственноручно его записал. Первоначально дело велось как раскрытие контрреволюционной организации с выходом на групповой процесс. Однако затем в ходе следствия наметился резкий поворот: «мы решили не поднимать дела» – передает слова следователя Шиварова жена поэта [11, с. 158]. Мандельштам по-

лучает типовой за «контрреволюционные» сочинения приговор (слишком мягкий, учитывая содеянное): три года ссылки в г. Чердынь на Урале, куда 3 июня 1934 г. и прибывает вместе с женой. В первую же ночь он прыгает из окна второго этажа палаты земской больницы, где их разместили. Благодаря телеграммам Н.Я. Мандельштам, об этом становится известно в Москве. К Н. Бухарину в защиту Мандельштама обращается Б. Пастернак; Бухарин, в свою очередь, пишет Сталину – и тот делает резолюцию на его письмо: «Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие...». Уже в середине июня 1934 г. Мандельштаму разрешают выбрать другой город для отбывания ссылки (кроме 12 крупных городов), он выбирает Воронеж и отправляется туда, захвав по дороге на несколько дней в Москву.

Существует мнение, что Сталин ознакомился со стихотворением и даже что оно ему понравилось – по соображениям эстетическим (Ф. Искандер [5, с. 51–52]) или даже политическим: текст льстил самолюбию вождя – его бояться! (О. Лекманов [8, с. 265]). Последнюю версию разделяет и П. Нерлер [14, с. 38]. Л. Максименков выдвинул предположение, что в преддверии Первого съезда советских писателей Сталин не стал трогать Мандельштама как входившего в номенклатурный список (притом что ни А.А. Ахматовой, ни М.А. Булгакова, ни М.А. Кузмина в этом списке не было) [9, с. 250].

Есть и иная точка зрения, убедительно представленная Г. Моревым [13], доказывающим, что текст инвективы Сталину не был известен, а приписываемая ему резолюция «изолировать, но сохранить», которую следователь Н. Шиваров передал Мандельштаму и его жене при тюремном свидании 28 мая 1934 г., на самом деле принадлежит Я.С. Агранову, или – на крайний случай – Г.Г. Ягоде, поскольку Сталин на тот момент об аресте поэта в известность поставлен не был, письмо же Бухарина датируется предположительно 6–7 июня.

Бухарин, обращаясь к Сталину, писал, что не знает, в чем Мандельштам «наблудил», и что Агранов, к которому за разъяснениями обращался Бухарин, «ничего конкретного не сказал». Сталина, считает Г. Морев, возмутил не факт ареста Мандельштама, а то, что ОГПУ самоуправствует в сфере литературы, принадлежавшей всецело его контролю, да еще перед писательским съездом.

Знаменитая реплика Сталина в разговоре с Пастернаком – «Но ведь он мастер? Мастер?» – имеет, по мнению исследователя, вполне конкретный смысл: «в сознании Сталина понятие “мастера художественного слова” прочно (по аналогии с военспецами и прочими представителями старого режима) было ассоциировано с представлением о “старом специалисте”, чья чуждость советской власти искупалась его высоким профессионализмом». Именно «нетерпимое» отношение к писателям старой формации и нежелание учиться у них Сталин ставил в вину разогнанному в преддверии писательского съезда РАШПу.

Агранов, полагает Г. Морев, ознакомившись с материалами дела и понимая, что в него оказываются вовлечены не только друзья и родственники поэта, но и такие известные литераторы, как А. Ахматова и В. Нарбут (которым поэт читал свое произведение), не захотел инициировать политический «писательский» процесс на фоне подготовки первого съезда писателей, что могло быть воспринято властями как саботаж. Переквалифицировать дело можно было лишь при условии, что текст инвективы до Сталина не дойдет.

В первых числах июня Агранов подготовил Спецобращение к Сталину, где Мандельштаму инкриминируется контрреволюционный пасквиль на «вождей революции», а также сообщается, что рукопись поэтом уничтожена (в протоколах допроса Мандельштама таких сведений нет), а сам он отправлен в ссылку на три года. Записка Агранова, по предположению Г. Морева, до адресата не дошла: ее опередило письмо Бухарина.

В мае 1937 г. в самый разгар репрессий против писателей Мандельштам вернулся из Воронежа в Москву. Через год он будет вновь арестован, этапирован и погибнет в пересыльном лагере под Владивостоком.

Список литературы

1. Ахматова А.А. Сочинения : в 2 т. – Москва : Правда, 1990. – Т. 2. – 464 с.
2. Видгоф Л. Осип Мандельштам: от «симпатий к троцкизму» до «ненависти к фашизму» : (О стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны...» // Colta. – 2020. – 19.05. – URL: <https://m.colta.ru/articles/literature/24395-leonid-vidgof-o-stihotvorenii-my-zhivem-pod-soboyu-ne-chuya-strany> (дата обращения 20.06.2020).

**«Это не литературный факт, но акт самоубийства» :
об одном стихотворении Осипа Мандельштама**

3. Гершгейн Э.Г. Мемуары. – Санкт-Петербург : Инапресс, 1998. – 537 с.
4. Жолковский А., Панова Л. Он мастер, мастер, больше, чем мастер : Еще раз о стихотворении Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...» // Colta. – 2020. – 1.06. – URL: <https://m.colta.ru/articles/literature/24565-aleksandr-zholkovskiy-lada-panova-my-zhivem-pod-soboyu-ne-chuya-strany> (дата обращения 21.07.2020).
5. Искандер Ф. Поэты и цари. – Москва : Правда, 1991. – 65 с.
6. Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка ; Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. – Санкт-Петербург : Инапресс, 1999. – 790 с.
7. Кушнер А. «Это не литературный факт, а самоубийство» // Новый мир. – 2005. – № 7. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2005/7/eto-ne-literaturnyj-fakt-a-samoubijstvo.html (дата обращения 24.09.2020).
8. Лекманов О.А. Осип Мандельштам. Жизнь поэта. – Москва : Молодая гвардия, 2009. – 357 с.
9. Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы, (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С. 241–297.
10. Мандельштам Н. Воспоминания. – Москва : Согласие, 1999. – 231 с.
11. Мандельштам Н. Собрание сочинений : в 2 т. – Екатеринбург : Гонзо, 2014. – Т. 1. – 864 с.
12. Мандельштам О. Стихотворения. Проза / сост., вступит. ст. и комм. М.Л. Гаспарова. – Москва : Аст ; Харьков : Фолио, 2001. – 736 с.
13. Морев Г. Еще раз о Сталине и Мандельштаме : Вокруг спецсообщения зампреда ОГПУ Агранова // Colta. – 2019. – 13.12. – URL: <https://m.colta.ru/articles/literature/22722-bleb-morev-esche-raz-o-staline-i-mandelsh tame> (дата обращения 21.07.2020).
14. Нерлер П.М. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама : книга доносов, допросов и обвинительных заключений. – Москва : Петровский парк, 2010. – 224 с.
15. Осип Мандельштам «Мы живем, под собою не чуя страны...» (Семинар «Сильные тексты» [19 мая 2020] : Р. Лейбов, О. Лекманов, Ю. Фрейдин, Г. Морев, А. Цветков, В. Мирзоев) [видеозапись]. – URL: https://youtu.be/P_ZmdHgSLP4 (дата обращения 21.07.2020).
16. Ронен О. Слава // Звезда. – 2006. – № 7. – URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2006/7/slava.html> (дата обращения 21.07.2020).
17. Сурат И. «Я говорю за всех...» : К истории антисталинской инвективы Осипа Мандельштама // Знамя. – 2017. – № 11. – URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=6761> (дата обращения 20.06.2020).
18. Тоддес Е.А. Антисталинское стихотворение Мандельштама (к 60-летию текста) // Тыняновский сборник. Пятое Тыняновские чтения. – Рига : Зинатне ; Москва : Импринт, 1994. – С. 198–222.